

МЕЖПОКОЛЕННАЯ ПЕРЕДАЧА СЕМЕЙНОЙ ИСТОРИИ. ДЕФЕКТЫ ПЕРЕДАЧИ

*Работа представлена кафедрой психологии личности МГУ им. М. В. Ломоносова.
Научный руководитель – доктор психологических наук, профессор Г. У. Солдатова*

Статья посвящена осмыслению знания прошлого и его значимости для настоящего. Выявлены проблемы, возникающие при дефектах межпоколенной передачи, препятствующие социализации личности.

Ключевые слова: *межпоколенная передача, социальная память, семейный опыт, психические функции.*

М. Bogatyreva

INTER-GENERATION TRANSFER OF FAMILY HISTORY. TRANSFER DEFECTS

*The paper is devoted to the conceptualisation of knowledge of the past and its importance for the present.
The author reveals the problems arising because of the defects in inter-generation transfer impeding a person's socialisation.*

Key words: *inter-generation transfer, social memory, family experience, mental functions.*

Вопрос о том, как прошлое присутствует в нашем настоящем, не мог не заинтересовать психологов. Еще Зигмунд Фрейд в работе «Тотем и табу» писал: «...чувство как бы передается от поколения к поколению в привязке к той или иной ошибке, которую люди больше всего не держат в сознании и о той, которой вспоминают меньше всего...» (Freud,

1913). Некоторые исследователи считали, что еще во чреве матери с седьмого месяца беременности ребенок начинает видеть сны, и, вероятно, эти сны передает ему мать, тем самым ребенок имеет (или может иметь) доступ к ее бессознательной сфере и получает информацию [5; 13; 14; 18]. Аналогичные предположения на уровне интуиции делала

Франсуаза Дольто, по мнению которой бессознательное матери и ребенка связаны, и ребенок знает, угадывает и чувствует вещи, относящиеся к его семье на протяжении нескольких поколений [6].

Согласно Юнгу, «коллективное бессознательное», передаваемое в обществе от поколения к поколению, аккумулирует человеческий опыт. Оно дано от природы и, таким образом, существует вне всякого вытеснения и личностного опыта. В 60–70-х гг. прошлого столетия вышло большое количество работ, посвященных изучению проблемы трансгенерационной передачи. Франсуаза Дольто, Никола Абрахам, а также Иван Бозормени-Надь обнаружили, что такие сложные проблемы, как не разрешенные конфликты, тайны, «невысказанное», преждевременные смерти, выбор профессии и т. д. передаются из поколения в поколение. Источники повторений не осознаются и даже не рационализируются [2].

Н. Абрахам и М. Тёрёк выдвинули гипотезу о «склепе» и «призраке», как свидетельстве о наличии «мертвеца», похороненного в другом. «Призрак – это некое образование бессознательного, которое никогда не было осознанным, и является результатом передачи из бессознательного родителя в бессознательное ребенка». Сам механизм этой передачи пока неясен (по Шутценбергер). Потомков носителя «склепа», вероятно, преследуют «пробелы, оставленные в нас тайнами других людей из предыдущих поколений нашей семьи. По сути дела, непроговариваемость и неосведомленность создают у ребенка пустоту, которую он заполняет уже своими фантазиями, страхами и тревогами. Однако эта неосведомленность – пустяк по сравнению с той непреодолимой тревогой родителей о том, что они скрывают. И эта тревога родителей, транслируемая ребенку и воспринимаемая им, оказывает патологическое воздействие на формирование его личности. Травма, которая передается, намного сильнее той, которую получают» [4].

Передача способов функционирования может осуществляться осознанно, и тогда мы имеем дело с преемственностью, с верностью семейным традициям, однако, в значительно большей степени эта передача – бессознатель-

ный процесс. К осознанной (сознательной) межпоколенной передаче относятся те ее виды, о которых думают и которые обсуждают бабушки и дедушки, родители и дети – это семейные привычки, правила, стиль жизни. О бессознательной межпоколенной передаче не говорят, это тайна, непроговариваемое, умалчиваемое, скрываемое, иногда об этом запрещено даже думать. Все это входит в жизнь потомков, хотя об этом не думают. И именно в этом случае появляются травмы, соматические или психосоматические заболевания, которые часто исчезают, когда о них размышляют, говорят, оплакивают – если над ними работают и преодолевают их. Ф. Дольто говорила, что «все, что замалчивается в первом поколении, второе носит в своем теле» [4].

Для межпоколенной передачи важно понятие скрытой (невидимой) лояльности семье. Оно является ключевым и означает ставшую бессознательной и невидимой верность предкам. Важно сделать ее видимой, осознать, что заставляет человека функционировать именно таким способом, что руководит им, и в случае необходимости поместить эту лояльность в новые рамки, чтобы человек смог обрести свободу жить своей жизнью [8].

Понятие лояльность, одно из ключевых в концепции И. Бозормени-Надя, психоаналитика венгерского происхождения (по Л. М. Рудиной, 2003) [10]. Главный его тезис состоял в том, что отношения должны учитывать дух закона правоты и справедливости внутри семьи. Лояльность предполагает социальное единство, которое зависит от лояльности группы, лояльности ее членов и от помыслов, мотивации каждого члена группы как индивида.

Семейная лояльность основывается на кровном родстве, на передаче долгов и несправедливостей, которые накоплены предыдущими поколениями, поскольку они «не были оплачены». Именно эти неоплаченные счета в значительной степени объясняют семейные распри, которые происходят в заданный период, как эхо в ответ на прожитые предками ситуации.

Таким образом, через лояльность к своим родителям и к своему роду, мы становимся носителями семейных тайн (семейных историй

в трактовке Э. Г. Эйдемиллера) и передаем их по наследству нашим детям [16]. И даже если потомок упорно избегает, отвергает своих родителей или дистанцируется от них (пытаясь забыть всю семейную историю или даже не зная ее), обычно находит способ быть им лояльным – он бессознательно берет на себя груз эмоциональных проблем, которые не удалось разрешить родителям.

Межпоколенная передача семейной истории основана на памяти о событиях, пережитых предками. В психологии данный феномен получил наименование социальная память. В большинстве источников социальная память понимается как влияние событий, пережитых предками, на потомков.

Внимание к человеку как активному субъекту социальной памяти наиболее отчетливо проявилось в философии конца XIX – начала XX в. (Н. А. Бердяев, Вл. Соловьев, П. А. Флоренский, Г. Г. Шелер, А. Швейцер и др.). В работах Н. А. Бердяева отстаивается активный, творческий, избирательный характер памяти человека [1, с. 212]. П. А. Флоренский понимает память человека в имманентной глубинной связи с Богом, М. Шелер рассматривает память как особую способность человека, позволяющую ему быть самим собой. Позиция глубинной взаимосвязи памяти и истории: в контексте отечественной текстовой культуры отстаивается в исследованиях Б. Г. Могильницкого, П. В. Лукина, И. В. Ведюшиной, И. Г. Коновалова, Б. Н. Устьянцева и др. Ю. В. Филипповым историческая память этноса рассматривается как необходимый компонент воспроизводства этноса [12, с. 122]. «Народ, утративший историческую память, этническую преемственность, обречен на вырождение („манкуртизм“)» [12, с. 122]. Рассматривая социальную память в гармонической взаимосвязи с памятью исторической («память – это инструмент историчности», В. Де Гольжак, 2003) [2, с. 156], авторы приходят к обоснованному выводу, что данная позиция, выявленная на основе анализа исторических и культурных памятников, позволяет обосновать тезис о том, что именно память выступает основой самоидентификации личности и общества в целом.

Существует не зафиксированная в материальных источниках информация, циркулирующая в рамках семьи и определяющая некоторые аспекты когнитивной, эмоциональной и поведенческой сферы личности потомков. Способы передачи информации о пережитых событиях заключены не только в устных семейных историях, но и в стиле воспитания детей, семейном укладе, жизненных установках членов семьи, переживших эти значимые события.

С другой стороны, семейный опыт значимых событий влияет и на более глубокие, непосредственно не связанные с этим опытом личностные образования, что и является результатом воздействия социальной памяти.

Классик социальной психологии Г. Лебон вслед за Г. Спенсером, не пользуясь выражением «социальная память», по сути говорит о ней (Лебон, 1995). Влияние, которому подвергается индивид на протяжении жизни, он делит на три группы: влияние предков, влияние непосредственно родителей, влияние среды [17]. Далее на примере расы Г. Лебон говорит о социальной памяти на макроуровне, в масштабах большой группы и на примере длительных межпоколенных связей. Раса, по его мнению, состоит не только из живущих индивидуумов, образующих ее в данный момент, но также из длинного ряда мертвых, которые были их предками. Они управляют неизмеримой областью бессознательного – той невидимой областью, которая держит под своей властью все проявления ума и характера. Судьбой народа руководят в гораздо большей степени умершие поколения, чем живущие. Они передают нам не только физическую организацию, они внушают нам также свои мысли. Покойники суть единственные неоспоримые господа живых. Мы несем тяжесть их ошибок, мы получаем награду за их добродетели (Лебон, 1995) [9]. «Народ – это организм, созданный прошлым, и как всякий организм, он может быть изменен не иначе, как посредством долгих наследственных накоплений» [9, с. 48].

Потомки немецких солдат обычно говорят о стыде и вине, отдалении от родителей, которые не обсуждают с ними этот период истории и свою роль в нем, отсутствие идентификации

со своей страной и потребность любить ее, о вреде и комедийности отрицания происшедшего [3; 11].

В этнологии социальная память рассматривается как «комплекс популярных» (народных) представлений о прошлом нации, событиях, связанных с вхождением в состав многонационального государства, ее взаимоотношениях с другими народами. Там же принято различать коллективную и индивидуальную (семейную) память. Семейная историческая память – это «представление о прошлом своего рода, своей семьи» [6].

На процесс формирования представлений о прошлом своей семьи влияют несколько факторов.

Первый фактор – взаимодействие дискурсов. Один из дискурсов – продукт исторической науки и публицистики. Дискурс «Большой истории» играет очень важную роль в осмыслении прошлого своей семьи. Например, тема «коллективизация» стала особо значимой после публикаций в печати статей, разоблачающих «историю сталинских преступлений».

Другой дискурс – это семейные рассказы. В структуру семейных рассказов входит описание значимых событий в жизни семьи, рода; эмоциональная оценка этих событий и метаустановка на отношение к семейной истории (от «Историю семьи надо знать» до «Что было, то прошло»). Эта метаустановка может передаваться через готовность говорить с детьми о прошлом семьи, а также через фигуру иницианта данного разговора (ребенок ли задает вопрос про прошлое семьи или взрослые сами начинают рассказ). Важно отметить, что семейная история хранится не только в вербальной форме. Семейные фотоальбомы, семейные традиции («Этот пирог пекла моя бабушка») – это тоже часть семейного рассказа. Взаимодействие между дискурсом Большой истории и дискурсом семейного рассказа могут быть осознанно конфликтными («Дед, моя мать рассказывает совсем по-другому то, что было»). Но чаще индивиды выбирают стратегию согласования дискурсов, когда события семейной истории находят подтверждение или оправдание в дискурсе Большой истории.

Стратегии согласования дискурсов требуют отдельного обсуждения.

Второй фактор, влияющий на семейную историческую память – это исторические события катаклизменного масштаба (войны, переселения больших масс людей, государственные репрессии и т. д.). Например, тема беспрецедентного в истории акта массовых репрессий и геноцида по отношению к народам Кавказа приобретает особое значение и способствует осмыслению своей семейной истории через историю своего народа после появления потока публикаций на эту тему. Но эти исторические события могут производить и обрыв истории семьи. Предки индивида либо погибают, либо исчезают на долгое время, не оставив семейных рассказов своим потомкам [6].

В таком случае, представления о своей семье могут стать продуктом воображения, «додумывания». Для реконструкции своей семейной истории индивид может использовать малейшие, в форме намека, известные ему детали. Обрыв истории семьи, может приводить и к вытеснению представлений об истории семьи («Мне это неинтересно», «Даже не задумывался»).

Перейдем к вопросу о семейной идентичности, которая играет, несомненно, важную роль в межпоколенной передаче семейных историй.

Для многих исследователей индивид является биологической и психологической целостностью. А. А. Шутценбергер добавляет – и психосоциальной, реакции которой детерминированы как индивидуальной психологией, так и правилами семейной системы [15]. В семейной системе психические функции одного члена семьи обуславливают психические функции другого ее члена; происходит постоянное взаимное регулирование, а правила функционирования семейной системы бывают как явными, так и неявными, но главным образом неявными. Причем члены семьи не осознают этого. «В нашей семье так принято» – т. е. основные правила существуют как бы сами по себе, и считается, что они не требуют объяснения.

Семейный миф (семейное бессознательное) – это социально-психологический фено-

мен (целостное интегрированное образование), базирующееся на механизмах психологических защит, используемых для поддержания единства в семье в течение многих поколений. Так же семейный миф относится к патологизирующему семейному наследию – формированию, передаче и фиксации паттернов эмоционально-поведенческого реагирования в направлении от поколения прародителей к поколению внуков.

Семейный миф выявляется через паттерн функционирования: «некоторые люди действуют в жизни согласно паттернам, которые я посчитала бы „нездоровыми“ (А. А. Шутценбергер). Такие ритуалы образуют совокупность, некоторую целостность, гештальт отношений, бессознательно структурированный и вовлекающий всех членов семьи. Каждый из этих ритуалов способствует „уравновешиванию семейных счетов“, когда позиция или „эксплуататорская установка“ может быть, а может и не быть уравновешена „установкой на щедрость“. Временами мы эксплуатируем свою семью и свое положение. Ребенок „эксплуатирует“ свою семью, потому что приходится его обеспечивать, кормить, давать кров и т. д., и в то же время он дает любовь или нечто иное. Существует баланс – равновесие между тем, что получено, и тем, что отдано, в противном же случае появляются симптомы различной степени тяжести» [15, с. 32].

Самое раннее упоминание семейного мифа можно найти в работах З. Фрейда. Согласно З. Фрейду, каждый человек несет в себе свое «невывыказанное» или «невыраженное» («Das Unbewusste»), так же как интер- и интрапсихическое окружение, контекст или «тревожащую странность» («Das Unheimlich»). Фрейд определяет «тревожащую странность» как «неожиданное возвращение элементов, которые должны были быть уже давно преодолены или вычеркнуты, и которые как бы достались нам от прошлого». «Архаичная наследственность человека не включает в себя исключительно предрасположенности, а несет также идеативное содержание следов в памяти, которые оставлены опытом, полученным предшествующими поколениями». З. Фрейд определял семейный миф следующим обра-

зом: «Мы постулируем существование коллективной души <...> чувство как бы передается от поколения к поколению в привязке к той или иной ошибке, которую люди больше не держат в сознании и о которой вспоминают меньше всего» (З. Фрейд. Тотем и табу, 1939) (цит. по: [15, с. 15]).

По данным ряда исследователей, семейный миф формируется на почве какого-то неразрешенного кризиса – развода, чьей-то смерти, семейной тайны (И. Н. Абрахам и М. Тёрёк, 1967, 1978; Ф. Дольто, 1971, 1975, 1978, Бузормени-Надь, 1973, А. А. Шутценбергер, 2001 и др.). Семейная история (тайна) – это специфическая, несущая эмоциональную нагрузку, проблема, вокруг которой формируется периодически повторяющийся в семье конфликт (Э. Г. Эйдемиллер, 2005) [16]. Ребенок наследует противоречия, пронизывающие родовые линии, из которых он вышел, точнее, которые оставили отметину на жизни родительской пары. Родители передают своим детям следы конфликтов, которые не сумели или не захотели разрешать. В. Де Гольжак называет такие конфликты социопсихическим узлом. Он считает, что самый характерный симптом передачи социопсихических узлов проявляется в специфической трудности найти свое место в семейной истории [2].

О многом может рассказать клиническая практика, касающаяся детей депортированных, которым не сказали правду об отъезде, депортации, лагерях, смерти их родителей. Одна из исследователей, Клодин Вег (далее по: [15]), свою первую работу на соискание ученой степени по медицине посвятила потомкам людей, умерших во время Второй мировой войны в депортации. Их дети в ту пору ничего не знали о судьбе своих родителей (им не удалось попрощаться), не знали, что с ними стало, к тому же им самим приходилось скрываться. Большинство этих детей приняли к себе другие семьи, им часто давали другие фамилии и имена. А некоторых взяли на воспитание монастыри и церковные общины. Этим детям объяснили, что их мама и папа уехали путешествовать, и не разрешали говорить о них. От детей скрывали грустную правду «для их же блага». Впрочем, часто взрослые

и сами не знали, что стало с уходящими в туман поездами и людьми, попавшими в облаву. Для детей это трудная ситуация – не выдать, не рассказать тайну, быть оторванными от близких, расстаться со своими привычками, сколь бы славной ни была принимающая семья. Но такое тяжелое воспоминание нередко сопровождается тяжким долгом, иногда даже слишком тяжким (воспоминание, или даже месть, вендетта, как на Корсике). Несколько лет спустя, после освобождения, они ждали возвращения своих близких, и тогда узнали, что их родители были, вероятно, депортированы и умерли в концентрационном лагере. Исследования показали, что примерно в трех поколениях эти дети и их семьи являются носителями кошмаров и травм, от которых они никак не могут излечиться [15].

Таким образом, мы видим, что сам акт межпоколенной передачи является той точкой, «где встречаются психическое развитие, функционирование семейной группы и воспроизводство социального порядка» [2]. Речь идет о «тотальном феномене, лежащем в основе социальных отношений и процессов конструирования идентичности, который

вписывает каждого индивида в значимую последовательность – в историчность» [2, с. 159–160]. А дефекты передачи создают определенные трудности перед субъектом, ограничивают их способность проецировать себя в будущее, лишая возможности придавать смысл прошлому. Н. А. Логинова [7], размышляя о историческом и биографическом времени, добавляет, что важно придать смысл еще и настоящему, делать «смысложизненные обобщения». Переоценка пережитого приводит к тому, что человек как бы сбрасывает груз своей биографии (по А. Н. Леонтьеву). И тогда происходит что-то аналогичное «смене парадигмы в науке: под воздействием новых фактов, знаний, не укладывающихся в старую схему, последняя уступает место новой. Исторические события способствуют пересмотру позиций и смене концепции жизненного пути у современников и участников этих масштабных процессов» [7, с. 194–196]. Молчание, запреты, непроговариваемость и т. п. создают искаженную картину семейной истории, препятствуют социализации и формированию идентичности. Осмысление прошлого придает смысл настоящему.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бердяев Н. А. Самопознание (опыт философской автобиографии). М.: Книга, 1991. 447 с.
2. Гольджак де В. История в наследство: Семейный роман и социальная траектория. М.: Изд. Института психотерапии, 2003. 233 с.
3. Донцов А. И., Гончарова В. А. Холокост как феномен социальной памяти // Век толерантности. № 1–2. URL: www.tolerance.ru
4. Дольто Ф. На стороне ребенка. М.: Изд-во У-Фактория, 2003. 672 с.
5. Зинкер Дж. В поисках хорошей формы: Гештальт-терапия с супружескими парами и семьями. М., 2000.
6. Иванец В. В. К вопросу об исследовании исторической семейной памяти // Социальная психология XXI века: сб. ст. межд. конгресса. Ярославль, 2002.
7. Логинова Н. А. Социальное мышление личности в контексте исторического времени // Мир психологии. 2002. № 4. С. 191–196.
8. Петренко Е. Н. Лояльность к семейному наследию // Вестник интегративной психологии. Ярославль; М., 2008. С. 148–151.
9. Психология масс: хрестоматия. Самара: Изд. Дом «Бахрах-М», 2006. С. 5–115.
10. Рудина Л. М. Индивидуально-психологические особенности адаптивности женщин к состоянию беременности: автореф. дис. на соис. учен. степ. канд. психол. наук. М., 2003.
11. Сихровски В. Рожденные виновными. Исповеди детей нацистских преступников / пер. с нем. Р. Горелик. М.: Комплекс-Прогресс, 1997. 106 с.
12. Филиппов Ю. В. Ниты этнической социализации // Мир психологии. 2002. № 4. С. 118–128.
13. Хамитова И. Ю. Межпоколенные связи. Влияние семейной истории на личную историю ребенка // Журнал практической психологии и психоанализа. 2003. № 4.
14. Хеллингс Б. Порядки любви: Как жизнь и любовь удаются вместе. 2-е изд., перераб. М.: Институт консультирования и системных решений, психотерапия, 2007. 348 с.

15. *Шутценбергер А. А.* Синдром предков: трансгенерационные связи, семейные тайны, синдром годовщины, передача травм и практическое использование геносоциогаммы / пер. И. К. Масалков. М.: Издательство Института Психотерапии, 2001.
16. *Эйдемиллер Э. Г., Юстицкий В. В.* Семейная психотерапия. Л.: Медицина, 1989.
17. *Янчук В. А.* Введение в современную социальную психологию: учеб. пособие для вузов. Мн.: АСАР, 2005. 768 с.
18. Bowen M. (1974). «Bowen on Triangles» Edited and transcribed by K. Terkel-sen. *The Family*, 2 (2). P. 45–48.

REFERENCES

1. *Berdyayev N. A.* Samopoznaniye (opyt filosofskoy avtobiografii). М.: Книга, 1991. 447 s.
2. *Gol'zhak de V.* Istoriya v nasledstvo: Semeyny roman i sotsial'naya trayektoriya. М.: Izd. Instituta psikhoterapii, 2003. 233 s.
3. *Dontsov A. I., Goncharova V. A.* Kholokost kak fenomen sotsial'noy pamyati // Vek tolerantnosti. N 1–2. URL: www.tolerance.ru
4. *Dol'to F.* Na storone rebenka. М.: Izd-vo U- Faktoriya, 2003. 672 s.
5. *Zinker Dzh.* V poiskakh khoroshey formy: Geshtal't-terapiya s supruzheskimi parami i sem'yami. М., 2000.
6. *Ivanets V. V.* K voprosu ob issledovanii istoricheskoy semeynoy pamyati // Sotsial'naya psikhologiya XXI veka: sb. st. mezhd. kongressa. Yaroslavl', 2002.
7. *Loginova N. A.* Sotsial'noye myshleniye lichnosti v kontekste istoricheskogo vremeni // Mir psikhologii. 2002. N 4. S. 191–196.
8. *Petrenko E. N.* Loyal'nost' k semeynomu naslediyu // Vestnik integrativnoy psikhologii. Yaroslavl'; М., 2008. S. 148–151.
9. Psikhologiya mass: khrestomatiya. Samara: Izd. Dom «Bakhrakh-M», 2006. S. 5–115.
10. *Rudina L. M.* Individual'no-psikhologicheskiye osobennosti adaptivnosti zhenshchin k sostoyaniyu beremennosti: avtoref. dis. na sois. uchen. step. kand. psikhol. nauk. М., 2003.
11. *Sikhrovski V.* Rozhdennyye vinovnymi. Ispovedi detey natsistskikh prestupnikov / per. s nem. R. Gorelik. М.: Kompleks-Progress, 1997. 106 s.
12. *Filippov Yu. V.* Hitmy etnicheskoy sotsializatsii // Mir psikhologii. 2002. N 4. S. 118–128.
13. *Khamitova I. Yu.* Mezhpokolennyye svyazi. Vliyaniye semeynoy istorii na lichnyuyu istoriyu rebenka // Zhurnal prakticheskoy psikhologii i psikhoanaliza. 2003. N 4.
14. *Khellingner B.* Poryadki lyubvi: Kak zhizn' i lyubov' udayutsya vmeste. 2-e izd., pererab. М.: Institut konsul'tirovaniya i sistemnykh resheniy, psikhoterapiya, 2007. 348 s.
15. *Shuttsenberger A. A.* Sindrom predkov: transgeneratsionnyye svyazi, semeynye tayny, sindrom godovshchiny, peredacha травм i prakticheskoye ispol'zovaniye genosotsiogrammy / per. I. K. Masalkov. М.: Izdatel'stvo Instituta Psikhoterapii, 2001.
16. *Eydemiller E. G., Yustitsky V. V.* Semeynaya psikhoterapiya. L.: Meditsina, 1989.
17. *Yanchuk V. A.* Vvedeniye v sovremennuyu sotsial'nuyu psikhologiyu: ucheb. posobiye dlya vuzov. Мн.: ASAR, 2005. 768 s.
18. Bowen M. (1974). «Bowen on Triangles» Edited and transcribed by K. Terkel-sen. *The Family*, 2 (2). P. 45–48.